

В доме царил тишина, прерываемая лишь шумом ложек о глиняные тарелки. Гу Шоусин и Цай Сяолинь, бросив на Гу Нянь подозрительные взгляды, принялись за еду. Меню было скромным: суп из диких трав с яйцами, тушеная капуста и свинина с соевыми бобами. Каши не было, только яйца, сваренные Цай Сяолинь. Это была еда, которую никак не хотелось глотать, кроме Гу Синь. Она разделила яйца: себе два, Гу Нянь три, Гу Шоусину четыре и Цай Сяолинь три. "Отец, это мясо нам дал четвертый дядя. Ты тогда был не дома. Отец, когда ты готовил мясо, ты кипятил масло?" – спросила Гу Синь. Она никогда не видела своего отца за готовкой и не знала, умеет ли он правильно обжаривать. Гу Шоусин взял яйцо из своей миски и положил его в миску Гу Синь. "Я сварил и поставил в масло. Что ты делаешь?" – сказал он. – "Отец должен съесть всего три. С этого дня мы едим все вместе дома. Не говори, что ты ещё мала для такой еды. Ты растешь, тебе нужно есть". Очищенные яйца было легко брать. Гу Синь не отказывалась. Ей нравился такой отец. "Спасибо, отец!" Если бы Цай Сяолинь и Гу Нянь не были так голодны, она бы, наверное, не смогла есть такой простой ужин. Как раз в момент, когда они доедали, из старого дома, с главного двора, пришёл Гу Энь. "Второй дядя, дедушка с бабушкой зовут тебя к себе". "А, хорошо. – Гу Шоусин спокойно встал и приказал Гу Синь поставить миску. Он вернётся позже, чтобы помыть ее. Остались только они трое. Цай Сяолинь молчала, боясь, что Гу Нянь заметит что-то неладное. И, в то же время, ей казалось, что Гу Нянь немного отличается от той, которую она помнила. Конечно, нельзя было исключать возможность, что она ударилась головой. Гу Нянь чувствовала то же самое, что и Цай Сяолинь, поэтому они обе не проронили слова. "Мама, сестра, вы ударились головами, наверняка вам плохо! Отдохните. Я схожу к дедушке с бабушкой, посмотрю, не хотят ли они снова бить папу. Если они будут его бить слишком сильно, я заступлюсь. Ведь папа уже сказал, что больше не будет играть". Гу Синь не замечала, что Цай Сяолинь и Гу Нянь много думают. "А, хорошо," – хором ответили Цай Сяолинь и Гу Нянь. Они вернулись в свои комнаты. Гу Синь не заметила ничего необычного. Она воспользовалась оставшейся горячей водой из чайника, чтобы помыть посуду. Затем взяла маленькую корзину и вышла из дома. Зима. Её повседневная задача — нести дрова с горы. Сухие ветки и сухие листья, похожие на пожелтевшую листву. Сначала она решила пойти в старый дом. Если бы бабушка хотела бить ее отца, она бы заступилась за него. Если бы нет, она пошла бы на заднюю сторону горы рубить дрова. Их дом располагался у подножья горы, недалеко от старого дома. Но от других жилых домов в деревне они жили на значительном расстоянии, поэтому по дороге они редко встречали людей. Когда они подходили к старому дому, Гу Синь встретила свою кузину Гу Хуй, которая жила в главном доме. Она ее поздоровалась: "Вторая, что ты делаешь?" "Сестрица Хуйхуй, бабушка била моего отца?" – спросила Гу Синь. Гу Хуй удивилась: "Нет, очень странно. Бабушка уже нашла его, но потом второй дядя сказал несколько слов, и бабушка прекратила ругать его. Она даже позвала второго дядю в дом и начала с ним разговаривать". Гу Синь с удовольствием вздохнула: "Хорошо. Отец, наверняка, пообещал дедушке с бабушкой, что больше не будет играть в карты, так что мне не надо ему помогать. Сестрица Хуйхуй, я пойду собрать ветки и листья. Ты хочешь пойти на заднюю сторону горы?"